

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

АНГЕЛАМ
ЗДЕСЬ НЕ МЕСТО

Татьяна Устинова рекомендует

Екатерина Островская
Ангелам здесь не место

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Островская Е. Н.

Ангелам здесь не место / Е. Н. Островская — «Эксмо»,
2015 — (Татьяна Устинова рекомендует)

Лара Покровская была вполне довольна своей жизнью – она замужем за бизнесменом, владельцем небольшой фирмы, в которой она трудится бухгалтером. Любви, правда, особой нет, но бывает ли она вообще?.. И вдруг все рухнуло: муж однажды не вернулся домой, а через пару дней объявил, что уходит к другой женщине... Так Лара разом осталась без семьи и работы, лишь квартиру чудом удалось сохранить. Новая должность нашлась неожиданно, причем по специальности и в крупном банке, вот только там вскоре начали происходить странные события – одного из членов правления застрелили, другого отравили... И это явно не единственные жертвы неизвестного киллера. Не грозит ли и самой Ларе смертельная опасность? И почему кто-то, пожелавший остаться неизвестным, положил на ее стол в день рождения баснословной стоимости кольцо? Вопросы теснятся в голове девушки, а искать ответы ей помогает случайный знакомый – кажется, на горизонте забрезжила любовь, та самая, настоящая...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Островская Е. Н., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Родной английский детектив	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Екатерина Островская

Ангелам здесь не место

© Островская Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Родной английский детектив

Новая книга Екатерины Островской «Ангелам здесь не место» получилась отличной – запутанной, полной приключений, тайн и интриг. Хэппи-энд, само собой, прилагается.

Мне нравятся детективы, где у героев – у каждого! – есть тщательно скрываемая тайна, ужасный скелет в шкафу. Потому что именно в таких историях до самого последнего объяснения ничего не понятно, а сюжет в любой момент может перевернуться с ног на голову! И ведь казалось бы: все герои порядочные и честные, некоторые даже почти аристократы, а тут – бац! И узнаешь такое!.. Получается интересно, необычно и очень по-английски: вспомните хотя бы «Убийство в Восточном экспрессе». И вот теперь наше отечественное импортозамещение, нынче актуальное, как никогда, – «Ангелам здесь не место» Екатерины Островской.

Наверное, из-за этой общей тайны новый детектив Екатерины Островской показался мне таким английским – хоть про Великобританию там ни слова, а действие разворачивается в моем любимом Петербурге. Но здесь, совсем как в лучших детективах Агаты Кристи, разгадка кроется в прошлом, которое каким-то образом влияет на происходящее здесь и сейчас, и задача сыщика – понять, как именно.

Сюжет «Ангелам здесь не место» – как оно всегда бывает у Островской – построен на гремучей смеси логики и совпадений: получается легко, захватывающе и необычно. С каждой страницей пружина интриги сжимается все сильнее и читать становится только интереснее. Детектив насыщен летучими парами драйва и действия. Брось спичку – и полыхнет: топлива полные баки! Желание отложить книгу на середине не появляется ни на минуту: автор буквально заставляет прочесть роман целиком от корки до корки.

Лара – обыкновенная, пусть и успешная банковская служащая, ей далеко до аналитических способностей и элегантных комбинаций эксцентричного бельгийского сыщика, известного тягой к высокой кухне, обладателя самой смешной походки и самых безукоризненных усов. У Лары нет усов! Но когда в Ларином банке одно за другим происходят загадочные и дерзкие убийства, она начинает собственное расследование. Чтобы во всем разобраться, Ларе – совсем как Эркюлю Пуаро – придется проникнуть в психологию преступника и узнать его мотивы. Очень скоро Лара поймет: все жертвы безжалостного злодея связаны общей страшной тайной, кровавый след которой ведет в те самые девяностые годы.

Узнав слишком многое, Лара сама неожиданно оказывается на линии огня. И теперь, чтобы спастись от зловещего призрака, вынесшего смертный приговор всему руководству банка, ей обязательно нужно разобраться в событиях двадцатилетней давности.

И все-таки одной ей не справиться. Но успеет ли прийти на помощь тот, кто ради Лары готов сразиться с тенью из прошлого?

Глава 1

Дверь банка была закрыта. Лара с некоторым усилием пробилась к ней, протиснувшись сквозь не очень сплоченные, но все же не желающие пропускать ее ряды клиентов, постучала пальцем по тонированному стеклу. За ним мелькнуло унылое лицо охранника, створка нехотя отворилась. В вестибюле оказалось пусто и тихо. Лара бросила взгляд на зеленые цифры настенных электронных часов – 9.45. Вообще-то операционный день начался пятнадцать минут назад, странно, что посетителей до сих пор не впускают. Неужели что-то случилось? За полгода ее работы в «Преференц-банке» такого еще не было, работа всегда начиналась вовремя. Но интересоваться сегодняшней задержкой не у кого: первый секьюрити остался у входа, а второй, сидящий в стеклянной будке, молча положил ключ на полочку возле своего окошка и придвинул журнал. Лара расписалась, поставила время и поспешила к лестнице.

В коридоре второго этажа тоже никого не было. Но как раз в этом ничего странного: здесь ведь только кабинеты руководства, а начальство обычно прибывает на работу к десяти, и то, если имеются какие-то срочные дела или на утро назначены важные встречи. Лара подошла к своей комнатке, уже повернула ключ в замке, но, перед тем как войти, обернулась в сторону кабинета главного бухгалтера. Дверь его была приоткрыта, и по всему пространству разливался аромат только что заваренного кофе, сквозь который пробивался запах корвалола.

– Доброе утро, Ада Семеновна, – поздоровалась Лара с главбухом, подойдя ближе, но не переступая порога.

Немолодая крашеная блондинка посмотрела на нее и после небольшой паузы кивнула.

– У нас что-то случилось? – спросила Лара.

Оборкина снова кивнула, затем махнула рукой, словно выпроваживая ее, и неожиданно хрипло, с надрывом шепнула:

– Буховича убили.

– Ка-ак? – не поверила Лара.

– А я знаю? Самой только двадцать минут назад сообщили. В банке уже прокуратура работает и менты. В кабинете Буховича обыск, Илонку допрашивают, а остальным сказали, чтобы сидели на своих местах: беседовать будут со всеми. Так что иди к себе и жди, когда...

Оборкина вспомнила о своем кофе, поднесла чашечку к губам, подула на нее и вздохнула:

– Кто же мог подумать, что такое случится! Совсем недавно отмечали его пятидесятилетие, столько подарков надарили... Ужас какой-то!

Леонид Исаевич был первым заместителем председателя правления. Прежде он назывался коммерческим директором, но потом от этой должности отказался, да и сам коммерческий отдел исчез куда-то. Каждый день мужчина появлялся на работе в новом галстуке, всегда ярком и, вероятно, дорогим. И запах вокруг него был дорогой. Но первый заместитель председателя правления пользовался парфюмом чрезмерно, мог даже в присутствии посторонних или подчиненных, давая какие-то указания, достать из рабочего стола флакончик, попрыскать из него на свои ладони и потом втирать аромат в выбритые до синевы щеки. Вообще, Бухович казался вполне безобидным человеком, хотя на всех смотрел с едва заметной иронической усмешкой, словно он знал про каждого нечто очень смешное и был готов прямо сейчас этим знанием поделиться.

Когда Лара устраивалась в банк, именно Леонид Исаевич проводил с ней собеседование. Правда, на все его вопросы первой отвечала Оборкина, словно боялась, что ее протеже провалится.

– Какую часть прибыли вы выводили из-под налогообложения? – прозвучал очередной вопрос начальника.

– У них с этим было все нормально, – опять поспешила ответить Ада Семеновна.

– Я, кажется, не к тебе обращаюсь, – усмехнулся Бухович.
– Процентов сорок по году, – призналась Лара.
– Ого! – оценил заместитель председателя правления. – А в цифрах это сколько получалось?

– Около полумиллиона евро.
– Негусто, – поднял бровь Бухович. И заметил: – Но у вас и обороты намного меньше, чем в нашем банке. Кстати, мы подобными делами не занимаемся: у нас все по закону.

На том собеседование закончилось.

Сказать, что Лара Покровская никогда не мечтала о работе в банке, было бы неправильно. Она даже специализацию в институте выбрала «финансы и кредит», и, может быть, попала бы в банк сразу после окончания учебы, но на третьем курсе вышла замуж, а муж решил заниматься бизнесом и, естественно, взял Лару к себе главбухом. Поначалу дела шли ни шатко ни валко: фирма занималась грузоперевозками, и три восстановленных после аварий грузовичка особых доходов не приносили. Потом удалось приобрести списанную в каком-то автохозяйстве фуру, затем в лизинг взяли такую же, но уже новую, и – пошло-поехало. Счет был открыт в «Преференц-банке», потому что тот был ближайшим к дому, в котором проживали Лара с мужем.

Почти пять лет Покровская таскала в банк платежки, забирала выписки, знала всех операционисток и кассиров по именам, а руководителей банка в лицо. Встречая изредка главного бухгалтера, здоровалась с ней. И вот однажды, когда в операционный зал величественно вошла Оборкина, Лара, как обычно, улыбнулась ей приветливо:

– Добрый день, Ада Семеновна.

Главбух банка кивнула в ответ, пошла дальше, но вдруг обернулась.

– Твоя фамилия Покровская?

– Да.

– Когда закончишь здесь, поднимись ко мне на второй этаж.

Через четверть часа Лара стояла у двери кабинета Оборкиной, гадая, для чего та ее вызвала. Ждала почти сорок минут. Наконец появилась Ада Семеновна, которая шла по длинному коридору не спеша, хотя знала и видела, что ее ждут. Уже подойдя, главный бухгалтер открыла дверь кабинета напротив и произнесла с ленивой угрозой, обращаясь к кому-то, находящемуся внутри помещения:

– Обед только через пятнадцать минут, а вы уже намылились. Снимайте-ка пальто и за работу принимайтесь. Еще раз такое увижу, на вечную диету посажу!

Потом она шагнула к Ларе, встала ключ в замочную скважину и неожиданно спросила:

– Твою маму Ниной зовут?

– Да, – ответила Лара, немного удивившись.

Оборкина распахнула дверь:

– Тогда заходи.

Оказавшись внутри, Ада Семеновна вдруг вспомнила:

– Обед ведь!

После чего распахнула дверцу встроенного шкафа и достала короткий, не по возрасту, плащик:

– Пойдем перекусим вместе.

Лара, разумеется, растерялась от такого предложения и попыталась объяснить, что ей надо спешить в офис, а вот в другой раз...

– Мы с твоей мамой... если, конечно, она училась в финансово-экономическом...

– Именно там, – подтвердила девушка.

– Ну вот, значит, я не ошиблась, – пожала плечами Оборкина. И договорила первую фразу: – Мы с Ниной были лучшими подругами. Кстати, как она?

– На Дальнем Востоке сейчас живет. Вышла замуж и уехала к супругу.

Пешком идти не пришлось: у входа в банк главбуха ждал служебный автомобиль. Когда расположились в салоне, Ада Семеновна объяснила, что обедает она в одном очень уютном кафе, где неплохо готовят и где ее очень хорошо знают и уважают. Но Лара тут же начала отказываться, сообщив, что обычно ест дома и что сейчас у нее имеется готовый обед, лишь подогреть осталось. А затем неожиданно для самой себя девушка пригласила Оборкину в гости, а та немедленно согласилась, объяснив это так:

– Ты ведь, кажется, неподалеку где-то живешь? Я ведь бывала у вас когда-то. Правда, тебя еще на свете тогда не было.

И главный бухгалтер рассмеялась, словно только что удачно пошутила.

Глава 2

В дверь кабинета без стука вошел молодой человек в кожаном пиджаке.

– Я из Следственного комитета. Моя фамилия Гуцин, – представился он.

А потом, словно опасаясь, что ему не поверят, достал из внутреннего кармана служебное удостоверение и раскрыл перед Ларой. Поднес к ее носу так, что она невольно отстранилась, вернее, отшатнулась, сказав при этом:

– Я верю.

Молодой человек опустил в кресло для посетителей.

– Постараюсь не задержать вас, – произнес Гуцин. И тут же уточнил, чтобы фраза не показалась Ларе зловещей: – В смысле, не отниму у вас много времени. Просто задам вам несколько вопросов.

Следователь внимательно посмотрел на хозяйку кабинетика, словно пытаясь вспомнить, где он мог видеть эту девушку прежде, и приступил к беседе:

– С Буховичем в каких отношениях были?

– В служебных.

– Во внерабочее время встречались?

– Крайне редко. Только на мероприятиях.

– Понятно, – кивнул Гуцин, – на корпоративах, как это водится.

Лара пожала плечами.

– А про его секретаршу что можете сказать?

– Я с ней мало общалась. А про все остальное с вами наверняка уже многие поделились информацией. Я же не рассказываю о том, чего не знаю наверняка.

– У кого-нибудь из сотрудников банка были конфликты с Буховичем?

– Вряд ли. Он ведь второй человек в банке, а ссориться с начальством опасно. И потом, Леонид Исаевич был весьма приветлив со всеми.

Правда, в последнем Лара не была абсолютно уверена, а потому добавила:

– Я едва знала его, восемь месяцев всего здесь работаю.

– Восемь месяцев? – удивился молодой человек. – И за такой срок карьеру сделали – уже заместитель главного бухгалтера!

– Меня позвали сюда именно на эту должность. Ада Семеновна дружила с моей мамой. И потом, меня взяли с испытательным сроком, и если...

Лара напряглась: ей стало не по себе от того, что приходится оправдываться.

– Ада Семеновна? – переспросил следователь. И сам же вспомнил: – Ну да, главный бухгалтер. Я уже побеседовал с ней – кремень, а не женщина.

Гуцин снова пристально посмотрел на Лару, она даже отвернулась, и вдруг спросил:

– Вы меня не узнаете?

Покровская лишь дернула плечом, мол, нет. А про себя подумала: внешность у молодого человека самая заурядная, вполне возможно, что когда-то виделись, а вот знакомы вряд ли были.

– Мы в одной школе учились, – объяснил следователь, – я в одиннадцатом, а вы восьмом. У меня был одноклассник по фамилии Забегаев, который с вашей подружкой... типа встречался. Потом он пригласил ее на наш выпускной, а я вас за компанию позвал. Не помните разве? Я – Володя Гуцин.

– Не помню, – покачала головой Лара. – Ни вас, ни вашего друга.

– Да какой он мне друг! – неожиданно возмутился следователь. – Ему потом уж четыре года впаяли по сто тридцать четвертой. А я увидел табличку на дверях – Покровская Л. К., и в голову мысль пришла: уж не та ли это девочка Лида, что в доме напротив живет?

– Вообще-то я Лара.

– Про Лиду это я так, просто стихотворение процитировал, а имя твое я помню – Лариса, разумеется, – попытался выкрутиться Гущин. – Тогда, после выпускного, я тебя домой провожал. Неужели забыла?

– Не было такого.

– Разве? – удивился следователь. – Мне кажется, я в тот вечер всю дорогу стихи читал. «Хорошая девочка Лида, что в доме напротив живет...» Надо же, как тесен мир! Кстати, ты замужем?

– Да.

– А мне сказали...

Вдруг Лара сообразила:

– А вы в какой школе учились?

Молодой человек пожал плечами и вздохнул:

– Обознался, значит. Простите. Но вы очень на ту девочку похожи. Я уж было решил: посидим в уютном месте, вспомним былое...

– У меня ведь рабочий день, – напомнила Лара. – Если у вас еще есть вопросы, то я готова ответить, а если нет...

Гущин посмотрел на свои часы:

– У вас уже пять минут как обед начался. Может, все-таки посидим часок где-нибудь? Я обознался, наговорил черт знает чего. Хочу загладить вину.

– В другой раз, может быть, но сейчас очень много работы. И потом...

– Вообще-то и у меня тоже работа, – снова вздохнул следователь, – еще не всех сотрудников банка обошел.

Он поднялся и вдруг спросил:

– Вы в курсе, как Буховича убили?

Лара покачала головой. А Гущин наклонился над столом, словно собирался шепнуть, но произнес достаточно громко:

– Ножом в сердце. На лестничной площадке в доме, где снимает квартиру его секретарша. Она же его и обнаружила. Уже мертвым. Нож примечательный, со знанием дела сделанный, лезвие пятнадцать сантиметров длиной.

– Без подробностей, пожалуйста! – попросила Лара.

– Жалко, что у нас сейчас дела, – с очередным вздохом сказал Гущин. – А все равно встретиться надо. Я позвоню, у меня есть ваш служебный.

Молодой человек попрощался, немного потоптался перед дверью и ушел.

А Ларе вдруг стало тоскливо. Когда-то ее действительно приглашал на выпускной парень, который был на несколько лет старше. До этого они не встречались, хотя и сходили разок в кино. На школьном вечере грохотала музыка, громко визжали выпускники. Тот парень пошел провожать Лару, и потом они целовались на скамейке среди кустов отцветающей черемухи. Это были первые поцелуи в ее жизни, и воспоминания могли остаться не такими унылыми, если бы выпускник не лез тогда неумелыми руками куда попало. Где он теперь, кем стал, Лару не интересовало, но вряд ли этот бывший выпускник работает сейчас в Следственном комитете.

Остаться в кабинете не хотелось. И идти обедать домой тоже желания не было. Лара вышла, пересекла коридор и подергала ручку двери кабинета главного бухгалтера. Створка приоткрылась. Покровская просунула голову в образовавшуюся щель, увидела Аду Семеновну, сидящую в своем кресле, а возле ее стола Крошина, еще одного заместителя председателя правления.

– Заходи, – махнула рукой Оборкина.

Глава 3

В тот раз, когда Лара впервые пригласила к себе домой главбуха банка, обед продлился куда дольше отведенного на перерыв часа. Ада Семеновна явно не спешила возвращаться на работу. Сначала она осмотрела квартиру, оценила сделанную недавно перепланировку, а потом, уже сидя за столом, пустилась в воспоминания:

– Я ж в бухгалтерях случайно оказалась. После школы на завод пошла, в бюро пропусков. Там же, возле проходной, с первым мужем познакомилась. Он парнем видным был, только зашибал крепко. Сварщиком работал, прилично по тем временам получал, но все на его пьянки уходило. Поначалу я терпела. А потом, как домой возвращаться, такая тоска брала! Знала, что мужа нет, и все равно. Он поздно приходил, и почти каждый вечер пьяным. А если и трезвым, то с собой бутылку приносил. Садился за стол, себе наливал и требовал, чтобы я тоже с ним сидела. Года два мы вместе прожили. Разводиться с ним было страшно: даже заикнуться об этом боялась. Он ведь мог так приложить! На работе все видели мои синяки, понимали, откуда эти «украшения», но молчали. Вот я и решила, чтобы дома меньше бывать, пойти учиться. Выбрала финансово-экономический, вечернее отделение, естественно. Стала готовиться, учебниками обложилась, а муж куражился: «Куда ты лезешь, с твоими-то мозгами?» Книжки в окно выбрасывал. Так я назло ему еще сильнее хотела поступить в вуз. Ну и повезло мне: возле института с твоей мамой познакомилась, сразу ей призналась, что знаний у меня маловато, и Нина помогла, на всех экзаменах возле меня садилась... Хорошая девочка была! Ты на нее очень похожа. Я, как тебя в банке увидела, сразу сходство заметила. А потом фамилию твою спросила, и тогда уж никаких сомнений не осталось. Ты же не только лицом на нее похожа, но и манерами, и фигурка такая же, худенькая. Знаешь, однажды Нина мне свою дубленку отдала. Я, понятное дело, отказывалась, говорила, что не налезет. Но она уговорила взять. И надо же, шубейка почти застегнулась. Я, конечно, домой вернулась и пуговицы перешила. А потом еще на три кило похудела, и как влитая та дубленка на мне сидела. Мама тебе не рассказывала об этом?

– Нет, – призналась Лара. – Она вообще о вас никогда не говорила.

– Ну да, – согласилась Ада Семеновна, – ведь столько лет прошло. – Да и фамилия у меня тогда была другая. Я же прежде Полушкиной числилась, а когда второй раз замуж вышла, стала Оборкиной. Так вот, первый муж, который Полушкин, сначала просто пил, а потом, когда я учиться стала, совсем с цепи сорвался, из дома все подряд тащить начал. Я себе ничего купить не могла, ходила в каких-то обносках. Как-то, помню, зима уж началась, а я в институт все в туфельках разбитых бегала. Был у нас один студент, который импортными шмотками приторговывал, и однажды он принес австрийские сапоги. Такие шикарные, я тебе скажу! Девчонки примерять кинулись, а я даже не смотрела, боялась разреветься. Но в конце концов тоже надела, и сапожки в самый раз оказались, прямо снимать не хотелось. У меня вдруг слезы сами потекли. Ну где мне двести двадцать рублей взять? У меня зарплата сто десять, да и ту муж кулаками на свои пьянки выколачивает... Но тут Нина поторговалась, сбросила цену до двухсот, отдала продавцу свои деньги, а мне сказала, что могу рассчитаться с ней потом, частями. Я так Нине благодарна была! Да еще она мне ту дубленочку подарила взамен моей капроновой курточки на рыбьем меху. Муженек, как меня увидел во всем новеньком, чуть не умер от злости...

Ада Семеновна откровенничала долго. Судя по всему, женщине давно хотелось выговориться, а достойных собеседниц не находилось. Лара слушала и кивала, пытаясь понять, чего от нее хочет главбух банка.

– Но потом твоя мама институт бросила, и мне пришлось всего самой добиваться, – продолжала гостя. – Сказать, что трудно было, – ничего не сказать. Бухучет у нас преподавал один

доцент. И так он ко мне прицепился! Сразу сказал, что предмет я ему вряд ли сдам. Я даже плакала. Пошла как-то в очередной раз пересдавать, а преподаватель высмеял меня. Потом взял зачетку, посмотрел на другие оценки и сказал: «Хорошее у вас, девушка, имя – Аделаида. Есть такой город в Австралии. Город хороший, но живут там дураки: мой английский вообще не понимают. В Англии меня понимали, в Штатах понимали, а эти, из Аделаиды, тупые какие-то. Вот и вы, девушка, понять не хотите, что я от вас хочу». – Главный бухгалтер банка усмехнулась. – Короче, пригласил он меня в ресторан. А потом, разумеется, к себе домой. Утром я просыпаюсь, смотрю на красивый чистый потолок и думаю, что жить мне осталось недолго, времени у меня – лишь до своей квартиры добраться, ведь убьет меня муженек. Я ж никогда вне дома не ночевала. Слезы так и потекли из глаз от жалости к себе. От того, что мало прожила и ничего в жизни не успела увидеть: ни Австралии, ни Америки – одни побои. Тут с кровати доцент поднялся. Смотрю на него: старенький, лет пятьдесят, и животик выпирает, лысина опять же. Он халатом прикрылся и в душ направился. Мне надо было уходить, но хотелось пожить подольше, и я все медлила. А потом доцент вернулся и сказал, что я понравилась ему с первого взгляда, и если он мне не противен, то могу оставаться у него, сколько захочу. Противен – не противен, но я решила домой не торопиться. Позже мы с ним вместе за моими вещами поехали, правда, доцент прихватил с собой пару здоровенных парней-спортсменов, студентов, которые ему тоже не могли сдать зачет. Муженек на кухне с двумя дружками пиво хлестал. Приятели его, как увидели нашу делегацию, тут же смылись, чтобы под раздачу не попасть. Полушкин-гад пытался их удержать, да куда там. Перед уходом я, конечно, сказала ему все, что про него и всех его собутыльников думаю. Пошла уже к двери, но вернулась и так ему врезала! Это был первый счастливый день в моей жизни. А через месяц доцент предложение мне сделал, и я стала Оборкиной. Без малого двадцать лет мы с ним прожили. Он наш банк помогал учреждать и меня в него пристроил. А потом прямо на лекции инсульт у него случился. Отвезли в больницу, но муж даже суток не протянул... Хороший был человек, я себя уважать стала. И о других стараюсь заботиться, которых мужья-скоты лупят.

– У меня в семье все хорошо, – поспешила успокоить собеседницу Лара.

– Да я не тебя имею в виду. В нашем банке секретаршей у Буховича работает девушка. Так она, бедняжка, часто приходит на работу в темных очках. Только ведь фонарь под глазом все равно видно, хоть припудривай его, хоть очками закрывай.

Ада Семеновна вздохнула. Затем посмотрела на свое запястье, украшенное изящными золотыми часиками, и воскликнула:

– Ой, что-то я заболталась с тобой! В банке меня, поди, обыскались, а я телефон отключила.

Оборкина встала из-за стола и направилась в прихожую.

И, уже надевая плащик, замерла, внимательно глядя на Лару.

– Через три годика мне на пенсию. Я, разумеется, на покой не рвусь, но силы уже не те. В общем, я хочу себе замену подготовить. С улицы руководство никого брать не будет, а пока в банке надежных людей нет. Так что иди ко мне заместителем, я тебя поднатаскаю, да и начальство к тебе за это время привыкнет.

– Так я вроде не безработная. У нас с мужем вполне приличная фирма.

– Фирма полностью его или у вас доли? Сколько процентов акций на тебя записано?

Лара промолчала, и Оборкина все поняла.

– Значит, это его фирма, так что в случае чего ты останешься ни с чем и без работы. А другого хорошего предложения может и не быть.

Лара обещала подумать, хотя точно знала, что и сама не уйдет, и муж не отпустит ее.

– Я все хорошее, что для меня сделали, никогда не забываю, – произнесла напоследок Ада Семеновна. – Твоя мама помогла мне когда-то, а я за те сапожки с ней не успела рассчитаться,

так что считай, просто отдаю старый долг с большими процентами. Мужья приходят и уходят, а женская солидарность остается.

– Мужу без меня тяжело придется, – помотала головой Лара.

Тогда она еще не знала, что мужьям еще тяжелее работать в одном офисе с женами.

Олег приобрел два комфортабельных автобуса, решил поставить их на линию и возить в Скандинавию туристов. Для чего заключил договор с небольшой туристической фирмой, которая продавала туры. Съездил сам разок в Стокгольм, остался доволен и поездкой, и фирмой. Турфирмой владела девушка лет двадцати пяти. Звали ее Инна, и Олегу она тоже очень понравилась.

– Моя новая партнерша так по-английски шпарит! У нее в Стокгольме все схвачено! – восхищался супруг Лары.

Не прошло и месяца, как он еще раз отправился в турпоездку. А затем решил объединить два предприятия – свое и туристическое. Лара не возражала. Хотя, собственно, ее согласия никто и не спрашивал. Правда, она попросила мужа взять помощника, который готовил бы отчеты по туристическому бизнесу. Вскоре в офисе появилась немолодая женщина, оказавшаяся... матерью Инны.

Новая сотрудница внимательно изучила балансовые отчеты, хмыкая при этом и комментируя вслух:

– Как вы с таким кассовым остатком вообще существуете? Где отчеты по командировкам? А на представительские расходы какие-то гроши списываются... Ужас! Вообще болото! Как такую липу налоговая принимает? Надо наводить здесь порядок!

В тот же вечер Олег не вернулся домой. А его мобильный оказался отключен. Около полуночи он все же позвонил и сообщил, что перебрался к Инне и уже подписал приказ о назначении нового главного бухгалтера.

Это было так неожиданно, что Лара даже не успела возмутиться. Она сидела на кухне, где несколько дней назад общалась с Оборкиной, тупо смотрела на давно остывший ужин, приготовленный для Олега, и плакала. Истерики не было, но слезы сами текли. От обиды, разумеется. Потом ей вспомнилось, что замуж она выходила, не ощущая особого счастья. Нет, радовалась, конечно, что ее выбрал симпатичный молодой человек, но фамилию все равно оставила свою – не оттого, что ей не нравилась фамилия Олега, а просто не хотелось быть Ларой Галенко. А может, и тогда уже возникло какое-то предчувствие подобного конца недолгого брака.

Утром Покровская расписалась в приказе, передала дела усмехающейся будущей свекрови своего уже бывшего мужа. По старой памяти отвезла в банк платежки, а вот выписки забирать не стала, зато зашла к Аде Семеновне и сказала, что согласна работать под ее началом.

Глава 4

После смерти Буховича в банке ничего не изменилось, словно и не стало теперь меньше на одного заместителя председателя правления. Не было ни тише, ни громче. Никто особо не грустил, хотя и не радовался тоже. Что крутилось в головах сотрудников, одному богу известно. Все сидели в своих кабинетах и трудились на благо владельцев, оставшихся в живых. Лара тоже с самого утра пыталась заниматься привычным делом, но мысли сразу стали путаться: почему-то вспоминался Бухович с его яркими галстуками и резким ароматом дорогих одеколонов. Кому же выгодна его смерть? На его место в банке вроде никто не метил, да и невозможно просто так войти в правление.

В правление входили лишь владельцы. У председателя Ломидзе самый большой пакет акций – двадцать девять процентов, по двадцать три у Крошина, ведающего безопасностью, и Буховича, теперь уже покойного, пять процентов у Оборкиной и двадцать у единственного юридического лица – у компании «Эксполизинг». Правда, компания эта принадлежала все тем же Ломидзе, Буховичу и Крошину. Возглавлять ее они поручили абсолютно безликому человеку Артему Чашкину, а потому тот тоже являлся членом правления и заодно руководил кредитным отделом. Ему было немногим больше тридцати. Артем Степанович не толст, не худ, говорит негромко и смотрит на всех очень внимательно, без особого выражения на лице.

На новогоднем корпоративе он не пил – пригубил шампанское, но вряд сделал хотя бы один глоток. Бокал тут же вернул на место. Лара сидела рядом, поэтому видела: Чашкин, оказавшись ее соседом за столом, скорее по необходимости за ней ухаживал, но без излишней активности, только когда девушка о чем-то просила, скажем, положить салатика или передать солонку. Однако танцевать Чашкин ее пригласил, причем два раза. Первый раз во время танца не произнес ни слова, а после окончания второго поинтересовался, нравится ли ей работа в банке. Лара ответила, что работа очень интересная, а сотрудники все профессионалы и очень доброжелательны. Правда, тогда она еще не успела со всеми перезнакомиться.

После того вечера в ресторане ничего в их отношениях не изменилось. Хотя Ада Семеновна сообщила, будто бы Чашкин положил на Лару глаз. И расписала при этом, что Артем – очень хорошая партия. Он, мол, образован, некоторое время учился в Англии, а в банке оказался не случайно: молодой мужчина приходится родственником жены Ломидзе.

Петра Ивановича Ломидзе все считали владельцем банка, несмотря на то что он был всего-навсего главным акционером – у него не было даже блокирующего пакета, – и с ним никто не спорил. Впрочем, на заседаниях правления Лара не была ни разу, и если что-то узнавала раньше других о принимаемых решениях, то только со слов Оборкиной. Ломидзе был человеком немногословным и суровым. Кстати, вовсе не грузином. Откуда у него взялась такая фамилия, Ада Семеновна, по всей видимости, не знала, иначе бы непременно поделилась своим знанием с Ларой. Главбух, похоже, считала новую сотрудницу своей подругой, потому что других у нее не было. И детей тоже. А потому при появлении желания поболтать Оборкина вызывала к себе своего заместителя. И обедать они ходили вместе.

Сегодня за окном моросил нудный дождик, на сердце Лары было так же муторно и противно. На подоконнике жались друг к дружке мокрые голуби. Кто-то осторожно прошел по коридору, шаги смолкли возле двери кабинета. Определенно, за дверью кто-то стоял, что-то выжидая или просто прислушиваясь. Покровская уже хотела крикнуть, чтобы нерешительный человек вошел наконец, а потом просто встала и шагнула к выходу. Как раз в это время зазвонил телефон, стоявший на рабочем столе.

– Зайди ко мне, – почему-то шепотом пригласила ее Ада Семеновна.

Лара распахнула дверь кабинета – за ней никого не было. И во всей перспективе коридора тоже пусто.

Девушка заглянула в кабинет главбуха. Увидев ее, Оборкина махнула рукой и поинтересовалась опять же шепотом:

– Там никого?

Лара молча покачала головой.

– А мне постоянно кажется, будто кто-то подходит к двери и стоит, – по-прежнему шептала Ада Семеновна. – Подбегала раза два, открывала, а в коридоре пусто. Может, это Бухович что-то здесь забыл? В смысле, дух его мается.

У Лары похолодела спина.

– Вы просто перенервничали.

Оборкина прислушалась и вдруг вспомнила:

– Я тебя чего вызвала-то... Хотела за обедом рассказать, но до обеда целый час, а мне не выдержать столько. Убийцу нашли.

– И кто им оказался?

– Муж секретарши Буховича. Проследил, видимо, узнал, где Бухович для Илоны квартиру снимает, и дождался его появления. Мне Толя Крошин сообщил по секрету. У него в полиции связи. Они ему тоже, чтобы без передачи, сказали, да не смог он, проболтался. Убил на почве ревности, стало быть. Вот дурак парень. Ну, изменяет тебе жена, взял бы да морду ей набил...

– Она же и так с синяками ходила.

– Мало, значит, их получала. Бить женщин, конечно, последнее дело, но иногда, когда они того заслуживают, можно. А Илона, между нами, еще та шлюха. У нее ж на лице все написано. И если муж этого не видел, выходит, вообще слепой.

– Может, любил ее просто?

Ада Семеновна задумалась ненадолго, затем вздохнула:

– Мужики странные существа. Чаще всего ни за что цепляются. Посмотрел кто-нибудь вслед жене, так сразу скандал. Хотя радоваться надо, что на нее внимание обращают. А если уж она изменила, радуйся, что изменила тебе, а не Родине. Это Бухович так говорил.

– Чехов, – робко поправила Лара.

В коридоре вдруг что-то загремело и затрещало. Это было так неожиданно, что обе женщины вздрогнули. Ада Семеновна открыла дверь и увидела стоящего на стремянке парня в голубой рабочей куртке, на спине которой красовалась гордая надпись «Преференц-банк». Снова заработал перфоратор, и с потолка посыпалась штукатурка.

– Эй, – обратилась к парню Оборкина, – вы тут что, совсем с ума посходили? В другое время греметь нельзя?

Рабочий начал спускаться по стремянке. А оказавшись рядом с Оборкиной, попытался объяснить:

– Начальник АХО приказал протянуть провод.

– И что теперь? – возмущенно произнесла главный бухгалтер. – Обязательно греметь надо? Да еще так, что уши закладывает. Потом грязь по всему банку разнесете. Вы на себя посмотрите.

Молодой человек посмотрел на свою спецовку, далеко не чистую, потом поднял голову, заметил стоящую в кабинете Лару и спешно начал стряхивать осыпавшуюся на куртку побелку. Оборкина поморщилась. Рабочий, заметив это, извинился, подхватил стремянку и потащил лестницу прочь. По полу за ним волочился провод от перфоратора.

– Распустились... – покачала головой Ада Семеновна. – Все распустись! Илона так вообще только полчаса назад появилась. Идет к приемной Буховича и не торопится. Я ей говорю: что за дела? Ну, убил твой муж твоего любовника – так это еще не повод на работу опаздывать. А она мне вдруг заявляет, что ее муж ни при чем. И, главное, с такой злостью смотрит на меня, будто именно я несчастного Леню Буховича в своем подъезде ножом пырнула.

Они вернулись в кабинет. Ада Семеновна опустилась в свое кресло и выдохнула.

– Нервы и в самом деле ни к черту. Леонида Исаевича жалко, да и вообще. Как теперь спокойно работать? А ведь у нас это не первое убийство – около двадцати лет назад первого хозяина банка грохнули. Причем так страшно – с женой, ребенком и водителем. В субботу на дачу собрались, шофер подъехал, помог вещи загрузить, только тронулись с места, и – бабахнуло. Семья владельца сразу на месте погибла, и он тоже, а водитель через пару дней в больнице скончался. Не слышала разве?

– Нет, – призналась Лара. – А за что его?

Оборкина пожала плечами:

– Никто не знает. Время-то какое было: все пытались чего-то урвать. У государства, у народа, друг у друга. Вокруг бандит на бандите и бандитом погоняет. Первый владелец банка, Каретников, не из простых был. Из партийной номенклатуры. Оборкина моего он немного знал и попросил помочь наладить работу. Пообещал даже десять процентов акций по льготной цене. Муж поначалу помогал, но в штат идти отказался, предложил мою кандидатуру. А мне Каретников только пять процентов выделил. Хотя тогда у всех по пять было: у Ломидзе, у Крошина, у Буховича. Неужели ты ничего про это не знала?

– Вы же не рассказывали.

Ада Семеновна задумалась на мгновение и тут же перешла на шепот:

– И никто ничего тебе не натрепал? Ни про Каретникова, ни про меня с Петром Ивановичем?

Глава 5

После развода Лара не поменяла замок в квартирной двери и даже не потребовала от Олега вернуть ключ, что настойчиво советовала сделать Оборкина. Нет, сказала ему, конечно, об этом при последней встрече, но бывший муж сослался на то, что не носит его с собой, поскольку ключ уже без необходимости. Обещал завезти как-нибудь и, вероятно, забыл о своем обещании.

Сегодня Лара вернулась домой утомленная не столько работой, сколько всем тем, что происходило в прошедшие два дня в банке. Сотрудники постепенно осмелели и потихоньку начали обсуждать убийство Буховича и строить догадки. Умудренные опытом, правда, многозначительно помалкивали, но таких было немного. Общественное мнение склонялось к тому, что мужа секретарши наняли конкуренты, что теперь должен последовать полномасштабный наезд на банк, включая налоговую проверку и, конечно же, маски-шоу с выемкой документов и повальным обыском. Лара в подобных разговорах участия не принимала, но была в курсе, что говорят люди. Как ни странно, ей обо всем рассказал обычно немногословный и на первый взгляд не склонный к интригам и сплетням Чашкин.

Он появился неожиданно. Тихо постучал в дверь и так же тихо вошел. Не стал озвучивать придуманную причину, а прямо сообщил, что устал от всех слухов, которыми переполнен банк.

– Неужели и в вашем присутствии кто-то осмеливается обсуждать трагедию? – искренне удивилась Лара.

– Нет, конечно, – признался Артем. – Нам, то есть правлению, обо всем докладывает главный бухгалтер. Ее попросил об этом Ломидзе. Даже не попросил, а просто намекнул, мол, хорошо бы знать, что по поводу произошедшего думает народ.

– А сам Петр Иванович что думает?

Чашкин пожал плечами, но так, что стало понятно: он в курсе, однако не уполномочен делиться своими мыслями. И вдруг произнес, глядя в сторону:

– Полиция, вероятно, уже все выяснила. Но вы это, наверное, знаете лучше.

– Почему? – удивилась Лара.

– Говорят, один из следователей ваш старый знакомый. И теперь, приходя сюда, он почему-то интересуется только вами.

– Я с ним незнакома. Он обознался, спутал меня с кем-то.

Говорить о том, что дознаватель вел себя как уличный пристава, придумал неуклюжую историю, вместо того чтобы просто поговорить и завязать знакомство, не хотелось.

Чашкин пробыл в кабинете Покровской недолго. Но после его ухода Лара вдруг подумала: Артем для того и приходил, чтобы выяснить, насколько близко заместитель главбуха знакома с работником Следственного комитета. Неужели его попросил об этом председатель правления? Однако странно, ведь убийцу нашли и все разговоры, все догадки и домыслы уже не имеют никакого смысла. По крайней мере, к ней больше никто не приходил и не требовал дать показания.

Встреча с назойливым молодым следователем показалась Ларе неожиданной, хотя сразу стало ясно, что это не случайность. После работы, когда она выходила из банка, к ней подскокил Гуцин и явно соврал, улыбаясь во весь рот:

– К вам торопился, чуток опоздал.

Его улыбка вроде бы говорила о том, что он совсем не собирается задавать вопросы относительно преступления, что его появление не связано с расследованием.

– Я спешу, – предупредила Лара, – времени на разговор у меня нет.

– Вам же до дома пешком минут десять, – проявил осведомленность Гуцин, – а на машине и того меньше. Я вас подвезу, так что будете в своей квартире с опережением.

– Я не домой.

– Доставим, куда скажете.

Молодой человек распахнул перед ней дверь автомобиля. Лара оглянулась на окна банка, подумала, что Гушин вряд ли отвяжется, и села в машину. Следователь устроился на переднем пассажирском кресле, за рулем сидел еще один мужчина. Лара поздоровалась с ним, посмотрела на следователя и кивнула:

– Тогда уж домой.

Автомобиль тут же тронулся с места.

– Один вопрос, – продолжая улыбаться, произнес Гушин. – В последнее время Бухович не делал распоряжения по переводу крупных денежных средств? За рубеж, например?

– Я отвечать на этот вопрос не буду. Вы же можете сами все проверить. К тому же Бухович не распоряжался капиталом банка.

– А чем он занимался?

– Ценными бумагами, деривативами, хеджированием...

– О как! Просто китайская грамота для меня! – восхитился Гушин. И посмотрел на водителя. – Ты что-нибудь понимаешь, Коля?

– Деривативы – это производные финансовые инструменты, не используемые напрямую для купли-продажи финансовых или материальных активов. Используются для страхования рисков, – объяснил парень, сидящий за рулем.

– Коля у нас спец по экономическим преступлениям, – продолжал радоваться Гушин. – У него много по вашему банку нарыто. А вообще, он в убийном отделе начинал...

– Мы приехали, – перебил его Николай.

На самом деле они еще только подъезжали.

– При чем тут деривативы? – возмутилась Лара, которую начала раздражать улыбка следователя. – Вы расследуете убийство, а преступник, насколько мне известно, уже задержан.

Машина остановилась возле подъезда ее дома, но не у того, в котором жила Лара, а у следующего.

– Подозреваемый, только и всего, – поправил собеседницу Гушин. – И кстати, мы его отпустили. Санкцию на продление содержания под стражей нам не дали: нет прямых улик. К тому же свидетели не смогли подтвердить факта нахождения мужа секретарши вблизи места преступления непосредственно в момент убийства. Зато есть показания, что в этот момент он был совсем в другом месте.

– То есть муж Илоны ни при чем? – удивилась Лара.

– Пока получается, что так, – кивнул Гушин. И добавил: – Ничего, никуда убийца не денется: мы работаем.

– Удачи вам! – пожелала ему Лара, выбираясь из автомобиля.

Следователь выскочил следом.

– Погодите...

Наконец-то он перестал улыбаться.

– Лара Константиновна, не обижайтесь на меня. Я человек холостой, одинокий в настоящий момент. Понимаете, времени знакомиться с девушками катастрофически не хватает. А вы мне понравились. Я попытался как-то подъехать к вам, но, видимо, навыки потерял. Ничего такого не подумайте, не предлагаю ничего предосудительного. Просто мне хочется с вами увидеться. Может, в кафе сходим? Или в кино?

– Если будет время.

Она наклонилась к приоткрытому окошку автомобиля и помахала рукой водителю.

– До свидания. Большое спасибо, что подвезли.

– Всегда готов, – ответил Николай.

Лара направилась к своему подъезду, а Гушин шагнул следом.

- Я провожу.
- Не надо, я уже дома. Насчет кафе подумаю.
- И про кино, – напомнил следователь.
- Кино отпадает. Там темно.

Гущин улыбнулся в очередной раз, но отстал. Вернулся к машине. А Лара двинулась дальше, к парадному. Она слышала, как отъехал автомобиль, уже почти дошла до двери, миновав стоящую у дорожного бордюра старенькую «девятку». Но лицо сидящего за рулем мужчины, на долю мгновения проскользнувшее мимо, вдруг показалось знакомым, и Лара остановилась, обернулась к машине. Из нее тут же вышел тот самый рабочий административно-хозяйственного отдела банка.

Вышел и поздоровался:

- Добрый вечер, Лара Константиновна. Вы здесь живете?
- Да. А вас каким ветром сюда занесло?
- Здесь магазин запчастей для моей «кастриули», иногда заезжаю в него после работы по необходимости.

Он показал рукой через дорогу, где в самом деле в подвальчике располагался небольшой автомагазин.

– Простите, я бы хотела извиниться за тот случай, когда Оборкина устроила вам выговор...

– Меня Алексеем зовут, – перебил рабочий. – Можно просто Леша.

Только сейчас Лара поняла, что в прошлый раз, в банке, она ошиблась, приняв его за молодого человека. Конечно, Алексей далеко не стар, но лет ему уже за тридцать.

– Ада Семеновна слишком резко разговаривала с вами. Но вы уж простите ее, просто она понервничала. Это известие об убийстве...

– Ничего, без обид, – произнес Алексей. – Мне и в самом деле следовало дожидаться обеденного перерыва.

Мужчина поспешил к магазинчику, а Лара отправилась домой.

Она вошла в квартиру, скинула обувь и вдруг поняла: в квартире кто-то есть. Шагнула спиной назад к двери, надеясь выскользнуть на площадку незаметно, пусть даже босиком, и тут из кухни вышел Галенко. Появился так внезапно, что она вздрогнула. В руках бывшего мужа была тарелка и ложка.

– Ты как здесь оказался?

– Заехал ключ вернуть, – спокойно ответил Олег. – Я же обещал это сделать, а свои обещания я всегда выполняю.

– Мог бы предупредить.

– Мимо проезжал и вспомнил. К тому же тут кое-что мое осталось, надо бы забрать...

Он улыбнулся, стараясь казаться дружелюбным и приветливым. Но Лара сегодня была уже сыта улыбками. К тому же, зная Галенко, понимала, что за его улыбкой обязательно последует какая-нибудь гадость. Олег продолжал стоять и ел из тарелки, поглядывая Лару.

– Ничего, что я супчик твой наворачиваю? Ты, кстати, неплохо готовишь. Хотя что-то положительное в тебе есть.

Покровская смотрела на него, с каждой секундой все больше и больше понимая, что перед ней совершенно посторонний и чужой человек. Дело даже не в том, что Олег стал иначе стричься, что на нем сейчас другая, совершенно новая одежда и новые ботинки, которые он не снял в коридоре. Просто она не испытывает к нему никаких чувств, кроме осторожного ожидания очередной подлости.

– Что тебе на самом деле нужно? – поинтересовалась Лара, заходя на кухню.

Прошла бы в комнату, с удовольствием села бы на диван или даже прилегла, но Галенко с тарелкой последовал бы за ней, а лицеизреть его в своей квартире дальше коридора или кухни не хотелось.

– Ты неплохо выглядишь, – признался Олег. – Как и всегда, впрочем. Если разобраться, ты вполне симпатичная, но... какая-то не сексапильная. Носишь все черно-белое или серенькое, как училка. Надела бы что-нибудь розовенькое, как все, или сиреневое, да еще туфельки на шпильках, и, глядишь, мужики стали бы на тебя оборачиваться.

– Они на меня и так оборачиваются. И раньше это делали, только ты не замечал, потому что всегда смотрел в витрины, проверял, как красиво в них отражаешься.

– Чуть какая! – изобразил недоумение Олег. – Ты меня ни с кем не путаешь?

Лара открыла дверь холодильника. Увесистая гроздь винограда, на которую она рассчитывала, отсутствовала, очевидно, бывший муж съел ее перед супом.

– Раз я уж заехал, – произнес Галенко, заглядывая через ее плечо в холодильник, – вопросик хочу задать. Ваш банк может предоставить мне кредит?

– Ты, собственно, чего хочешь: задать вопросик или получить кредит?

– Мы с Инной решили расширить бизнес, а свободных средств нет.

– Доходы упали, – догадалась Лара и захлопнула дверь холодильника. – Так ты аудиторов пригласи, специалисты тебе скажут, куда твоя новая теща деньги деваает.

– В этом ты вся! – воскликнул Олег. – Не знаешь человека, а обвиняешь его черт знает в чем. Время тяжелое для бизнеса, расходы растут...

– Туристический бизнес приносит одни убытки, – продолжила с усмешкой Лара.

– Ну да, прибыли стало меньше. И потому мы решили купить небольшой отель. Мне нужно всего-то два с половиной лимона.

– Евро?

Галенко кивнул, ставя на стол пустую тарелку.

– Странно, – покачала головой Лара, – у твоего «Логистик-центра» в лучшие времена годовая прибыль была полмиллиона евро, а сейчас... К тому же ты теперь клиент другого банка. Проси кредит там. А лучше сразу гостиницу. Не знаю, выкупает ли тот банк у западных залог по просроченным кредитам, но вполне вероятно, что да. Поговори в своем банке, тебе дешевле обойдется. У нас в этом Бухович большой специалист...

– Так, может, мне с ним поговорить?

Лара замерла, только сейчас начав что-то понимать. Следовательно Гушин мыслит в том же направлении: «Преференц-банк» вполне легально выводил деньги за рубеж и там же оставлял в виде опционов на покупку недвижимости. Неужели Гушин сам догадался? Или его друг Николай уже что-то знает об этом...

– Так ты устроишь мне встречу с Буховичем? – поторопил ее Олег.

– Могла бы, конечно, но вряд ли бы тебе встреча с ним понравилась... Дело в том, что Буховича убили три дня назад.

– Печально, – вздохнул бывший муж. – Ну почему мне так не везет? Как только тема хорошая всплывает, всегда убьют кого-то или упакует лет на пятнадцать.

Олег открыл дверь холодильника и заглянул внутрь. Смотрел так долго, что Лара не выдержала:

– Ты что-то положил туда?

– Просто гляжу, как ты живешь, – отозвался Галенко.

Дверцу он наконец захлопнул. Потом посмотрел на стол с пустой тарелкой и вздохнул. Хотел что-то спросить, но Лара опередила его:

– Неужели у тебя даже теща не готовит? С женой понятно, ей некогда, но ведь теща у тебя главный бухгалтер, а ты всегда говорил, что у главбухов работы не так много и приготовление пищи для них просто развлечение.

– Злая ты, – снова вздохнул Олег. – Я потому и ушел к другой, что мне хотелось тепла и участия. Не знаю, кто и клюнет на тебя, но мне заранее жаль этого несчастного.

Галенко вышел в коридор и нехотя побрел к выходу, продолжая говорить:

– Я, кстати, видел в окошко, кто тебя подвозил. Старая модель «Ауди», и одет твой ухажер, как страховой агент или мент. Кто он, кстати?

– В прокуратуре работает. Занимается как раз уходом от налогов, обналичкой и выводом средств за рубеж.

Лара и сама удивилась, почему так сказала. Олег видел в окно Гущина, который расследует убийства, а экономические преступления – прерогатива его приятеля Николая, сидевшего за рулем и не выходявшего из машины.

Галенко отодвинул задвижку замка.

– Ключ верни! – крикнула ему вслед Лара.

И опять удивилась. Раньше бы кричать не стала. Сказала бы то же самое осторожно и тихо, чтобы не обидеть приказным тоном. Надо же, какие и вправду с ней произошли изменения...

То, что она когда-то вышла замуж за Олега Галенко, тоже было удивительно. Удивительно не то, что за Галенко, а что вообще вышла. Просто всю свою сознательную жизнь до брака считала, что с замужеством у нее ничего выйдет так же, как и у мамы, которую бросил любимый человек в ту же минуту, когда узнал, что Нина ждет ребенка. Лара никогда не видела отца, и фотографий его в доме тоже не было. Мама лишь однажды сказала, что тот был очень красив и с хорошей деловой хваткой. Это все, что знала Лара об отце. Других мужчин у мамы вроде как не было. Да, наверняка не было. Ведь мама никуда не выходила, а если и шла в гости к подругам, то брала с собой дочку. Личную жизнь она устроила лишь после того, как выдала замуж дочь. Мама отправилась в Геленджик, откуда вернулась с новым знакомым – Федором Кузьмичом, собрала вещи и улетела с ним на Дальний Восток. Как потом выяснилось, Галенко успел выпросить у Федора Кузьмича деньги на открытие бизнеса.

С будущим мужем Лара познакомилась случайно. Хотя нет, это он с ней познакомился. Олег занимался частным извозом, и Лара, однажды спеша домой, поймала машину, за рулем которой был Галенко. Пока ехали, водитель задавал вопросы типа: студентка ли его пассажирка, где учится, когда утром выходит на учебу? С кем живет в квартире?

Следующим утром он без предупреждения ждал ее в машине у подъезда. Предложил подвезти. И так подвозил недели две. Потом пригласил в кино, в кафе, на дискотеку. Затем к себе в съемную квартирку на окраине. А там признался в любви и сделал предложение. Лара растерялась, пообещала подумать. Но долго думать Галенко ей не дал, и через пару дней Лара согласилась, чему удивилась сама. Не потому, что жених не нравился, как раз тогда Олег был ей симпатичен, а потому, что понимала: выходить замуж из чувства симпатии – не совсем правильный шаг. С другой стороны, вдруг такого предложения больше никогда не будет? А значит, не будет своей семьи, детей, новой увлекательной жизни. И Лара согласилась. Почти пять лет они прожили вместе. Особого счастья не случилось, но и поводов для печали тоже не имелось. Ребенка не было лишь потому, что Олег осторожничал: дети в ближайшие годы не входили в его планы.

На свадьбу приехали из Украины Галенко-старшие. Будущая свекровь, прежде чем обнять Лару, некоторое время разглядывала невестку. Прищурилась даже, а потом спросила:

– Скоко же в тоби вису?

– Пятьдесят четыре килограмма, – призналась Лара.

– Ой, мамочки мои рб дные! – всплеснула руками мать Олега. – Ты шо, девонька, больная или сдурела вовсе? Ну ничего, приедешь до нас, я тебя откормлю.

Лара поразилась тому, как эта полная женщина говорит – словно на выдуманном ею языке. Но язык не самое страшное, пугало другое: будущая свекровь была доктором юридических наук, написала книгу об истории голодомора и занималась общественной деятельностью.

И вот все это в прошлом. А будущее туманно, несмотря на почти двадцать семь прожитых Ларой лет. Новое замужество, судя по всему, в ближайшее время ей не грозит. Никого она не интересуется, кроме разве что сублильного Чашкина и не очень умного Гущина. А нормальные мужчины наверняка уже все разобраны. Нормальные вроде Николая, который подвозил ее сегодня вместе с Гущиным. Лара вспомнила его и огорчилась оттого, что не разглядела его получше. Приятное лицо и руки. Да-да, именно руки и привлекли сначала ее внимание. Он сидел без пиджака, в рубашке, мускулатура рук была более чем заметна: бугры мышц просто бросались в глаза.

Лара вспомнила это и даже тряхнула головой, сбрасывая наваждение. Все равно Николай уже чей-то.

Надо думать о чем-то другом. О работе, например. Но тогда придется думать об убийстве Буховича, которого лишили жизни неизвестно за что. Неизвестно, кто лишил. Когда заговорили о том, что убийца муж Илоны, все даже вздохнули с облегчением: мол, банку ничего не угрожает. Кое-кто, надо сказать, нелюбезно отозвался о самой секретарше. Жалели погибшего и даже называли его отличным профессионалом. Правда, именно в этом Лара сомневалась.

Она видела: иногда некоторые суммы уходили на небольшую консалтинговую фирму. Оборкина подписывала акты о выполнении работ и платежки, ни о чем не спрашивая. А Лара проверила: у той фирмы не оказалось ни контактных телефонов, ни офиса. Профессионалы так не воруют. Профессионалы вообще не воруют. Тем более у собственного банка. И суммами, куда меньшими собственной заработной платы. Но за такие, в сущности, копейки (для Буховича копейки, разумеется) финансистов не убивают. Хотя...

Ломидзе, вероятно, знал об этих переводах. Знал и молчал. Только зачем ему убивать партнера и приятеля?

Может быть, в убийстве Буховича был заинтересован Анатолий Михайлович Крошин? Но он к финансам не имел никакого отношения. Его дело – охрана и безопасность, в том числе безопасность сотрудников. А Буховича все-таки убили. Если это случилось, значит, главный охранник что-то недоработал или проглядел. Так что вряд ли у Крошина имелся интерес в смерти коллеги.

Оборкина? Ей смерть Буховича не сулит никакой выгоды. А если это месть за что-то? Или убийство с целью скрыть, например, хищение? Последнее не проходит, потому что Лара знала движение средств на счетах банка. Да и Ада Семеновна слишком безобидна для этого: самое большее, на что она способна, – это наорать на работника АХО.

Чашкин? Тем более вряд ли: Артем слишком держится за свое место, за карьеру, за оклад и премиальные. Он выдает кредиты, но фирму – получателя кредита проверяет Крошин, который умеет это делать.

И вообще, что такого мог совершить Бухович, чтобы кто-либо из сотрудников мог желать его смерти? А может, к убийству Леонида Исаевича причастны люди, не связанные с банком? Но личная жизнь бывшего председателя правления была на виду. Илона общалась с ним близко и часто. Ада Семеновна встречалась с ним по старой памяти за пределами банка, но редко. Жена Буховича проживает на Кипре, и он к ней летал едва ли не каждый месяц на выходные, а летом так по две-три недели пропадал там. Стоп. Возможен, кстати, такой вариант: его жена познакомилась с кем-то и решила уйти, но в случае развода оставалась бы ни с чем, а теперь, когда мужа нет, она не только свободна, но и богата...

Глава 6

Похороны Буховича прошли тихо. На кладбище народу было немного. Лара не думала, что пригласят и ее, но Ломидзе позвонил и сказал, что она тоже должна присутствовать.

Петр Иванович, произнося слова прощания у гроба, сказал, что здесь собрались самые близкие люди, те, кого Леонид Исаевич уважал и любил. И в самом деле, проводить заместителя правления в последний путь собрались не более двух десятков человек, половина из которых – сотрудники банка: сам Ломидзе, Крошин, Оборкина, начальник АХО Симагин, оказавшийся бывшим сокурсником Леонида Исаевича, начальник отдела ценных бумаг Борис Абрамович Макаренко, Артем Чашкин, водитель Буховича, Лара и секретарша Илона. Появление девушки, мужа которой подозревали в убийстве, очень удивило Лару. Неужели и ее позвали? Но не могла же Илона прийти сюда без приглашения. Правда, она держалась немного в стороне, словно сама ощущала неловкость от своего присутствия здесь. Моложавая вдова в черном стояла рядом со своей сестрой и ее мужем, который нервничал, словно торопился куда-то. Женщина оглядывала присутствующих и, если сталкивалась с кем-то взглядом, тут же печально вздыхала.

Потом, когда гроб опустили в землю, засыпали землей, сверху положили венки и букеты, вдова что-то произнесла негромко, но Ломидзе озвучил для всех:

– Сейчас выходим за ворота, там ждет автобус, поедем помянем нашего друга, как полагаются.

К выходу шли не спеша. Вдова опиралась на руку Ломидзе. Ее сестра держалась за локоть Артема Чашкина и за рукав пиджака удерживала спешащего к автобусу мужа, не забывая внимательно разглядывать женщин, словно оценивая их туалеты.

Лара не собиралась ехать на поминки, даже несмотря на пожелание Ломидзе, но Оборкина шепнула, что не стоит ссориться с начальством. Раз Петр Иванович сказал, что надо ехать, то возражений не должно быть. Илона, судя по всему, попыталась улизнуть, но ее остановила вдова – что-то негромко сказала девушке. Та кивнула и тоже зашла в автобус.

Поминали Буховича не в его квартире, а в маленьком кафе. Посреди зала стоял накрытый стол, стульев не было, лишь кресла, расставленные вдоль стен. На небольшом столике стоял портрет Буховича в черной траурной рамке, перед ним лежали цветы. Там же поставили стакан с водкой, который прикрыли ломтем черного хлеба. Ломидзе выступил еще раз. Потом Симагин стал рассказывать, как они с Буховичем учились в одной группе и как подрабатывали в гостинице «Астория» – морили тараканов и крыс, которых там отродясь не было, хотя деньги на уничтожение насекомых и грызунов выделялись. Еще они любили ходить в один пивной бар, а потом влюбились в одну девушку. Симагин хотел продолжить, но потом обернулся на вдову и пообещал поведать подробности в другой раз. Кажется, мужчина уже был пьян.

Илона стояла в стороне, явно ожидая завершения церемонии. Лара подошла к ней и спросила тихо:

– С мужем все нормально?

Секретарша сначала кивнула, а потом призналась:

– Не совсем.

– Главное, что на свободе, – шепнула Лара.

Илона опять кивнула. После некоторой паузы добавила:

– Он же не знал ничего. Влад то на сборах, то на соревнованиях, а когда приезжал, я всегда дома ночевала. А тут ему кто-то позвонил, назвал адрес и все остальное сказал. Влад туда примчался, я дверь открыла, он, увидев меня, замахнулся, но не ударил, потому что вообще не мог поднять на меня руку, тут же убежал, ни слова ни сказав.

– Так муж тебя не бил? – удивилась Лара.

– Никогда! Он же меня любит. И потом, Влад ведь боксер, если бы врезал, то убил бы сразу. И Буховича мог кулаками забить, но никак не ножом.

– Сейчас он как?

– Нормально. С него взяли подписку о невыезде. Хуже всего другое: в Интернете уже пошли сообщения о том, что призер чемпионата Европы задержан за убийство банкира. После того как Влада выпустили, я пыталась позвонить...

Секретарша замолчала, увидев, что к ним направляется вдова, и напряглась, словно понимала: сейчас может произойти нечто ожидаемо мерзкое. Лара хотела отойти, но потом решила, что ее присутствие остановит скандал.

Вдова была спокойна и двигалась не спеша. Подойдя поближе, кивнула Ларе:

– Оставьте нас.

Покровская сделала несколько шагов в сторону и отвернулась. Рядом в кресле развалился Симагин в расстегнутой рубашке и со съехавшим набок черным в горошек галстуком. Он поднял глаза на подошедшую девушку, очевидно пытаясь вспомнить, кто перед ним, потом улыбнулся глупой пьяной улыбкой и спросил, обращаясь к самому себе:

– А почему никто не танцует?

И тут же до Лары донеслась фраза, очень тихо произнесенная вдовой:

– Я тебе ничего не должна?

Илона ответила одними губами, так что ее слов Лара не услышала. А может, и не было ответа вовсе. Тут же раздался неторопливый цокот шпилек: это вдова возвращалась к более значимым для нее людям. Покровская обернулась, увидела, что девушка, подхватив свою сумочку, направилась к выходу, и догнала ее.

– Ты куда теперь?

Секретарша молча пожала плечами.

– Тогда поехали ко мне, немного придеешь в себя. Мужу позвонишь и объяснишь, где находишься.

Глава 7

Они сидели за кухонным столом и разговаривали.

Когда такси, в котором добирались с поминок, подъезжало к дому, Илона поинтересовалась, есть ли у Лары что-нибудь выпить. Пришлось остановиться у магазина. Пока Покровская выбирала вино, вообще-то не собираясь к нему прикасаться, ее спутница взяла бутылку водки, банку консервированных огурцов и рыбные консервы. Теперь все это стояло на столе.

Вино показалось Ларе кислым. Она хотя и наполнила свой бокал, поднимала его редко и делала совсем маленький глоток. А вот Илона, не успев как следует расположиться за столом, выпила рюмку водки и тут же наполнила вторую. Подняла ее, но опустила, чтобы помочь откупорить бутылку вина. Сделала это ловко, без всяких усилий. А перехватив взгляд хозяйки, объяснила:

– У нас во дворе умельцы были, могли ладонью по донышку ударить, и пробка вылетала. Мы же с Владом в одном доме жили, но общались мало. Он же на год младше, и компании у нас были разные. Хотя он ни в одной не состоял: с детства на бокс бегал. А я уже в старших классах в театральную студию записалась. Потом, разумеется, рванула в Москву поступать в театральный. Наивная была – верила, что у меня талант. Только никому мой талант оказался не нужен. Провалилась, конечно же. Забираю документы, а домой ой как не хочется возвращаться. И вдруг увидела у входа объявление о наборе в школу моделей. Вот мы с одной девочкой, тоже неудачницей, и поехали туда. Выстояли очередь. Запускали по одной, сначала она зашла. Вышла минут через пять – красная вся. Шепнула мне, что ей сказали дожидаться, когда фамилии отобранных называть будут. А тут и меня пригласили. Спросили, сколько мне лет, откуда я и что-то еще. Потом попросили пройти туда-сюда. И вдруг говорят: «Раздевайтесь!» Я обомлела. «В каком смысле?» – спрашиваю. И услышала в ответ: «В прямом. До трусов раздевайтесь. Должны же мы знать, кого на работу принимаем». Неприятно, конечно, но чего стесняться, когда это единственный шанс зацепиться, не домой же ехать...

Короче, взяли и меня, и подружку. Мы с ней квартирку-студию на двоих сняли. Стали ходить на занятия. Но нас ничему особенному не обучали, сказали, мол, практика всему научит. Вот и посылали нас то в каком-нибудь гипермаркете белье представлять, то на какие-то выставки у стендов в бикини ходить, то еще куда-то. Денег платили мало, а за учебу все равно требовали. А потом... Ну, ты понимаешь...

– Нет, – призналась Лара.

– Потом сказали, что для дальнейшего продвижения нужны уже другие деньги, а поскольку у нас их нет, то могут подсказать, как заработать. Мы с подружкой целый вечер совещались. Я не хотела на такое идти, а она твердила, что все знаменитые люди с этого начинали и теперь на обложках журналов красуются. Через день на меня и подружку заказ пришел. Отвезли нас в какой-то загородный дом. Там трое мужиков ожидали. Дом приличный, обустроенный, да и мужчины вроде солидные с виду. Но мне одного этого раза хватило выше головы, а подруге даже понравилось. Деньги нам тогда хорошие заплатили, мы долг за квартиру вернули, что-то из одежды себе купили. Только я больше никуда ходить не собиралась, а моя напарница, которая практически каждый день куда-то ездила, через неделю стала мне мозг выносить: мол, она за меня отдуваться не намерена. Вообще-то девочка была неплохая, не собиралась этим заниматься, говорила, что нам надо только денег подкопить, а потом в нормальное агентство устроиться. Ну, я и согласилась как-то с ней за компанию. Нарвались мы на бандитов. Те обкуренные уже изрядно были, в наколках с ног до головы. Три дня мы у них пробыли, а потом сбежали. Так те гады и наехали на того, кто нам предложил всем этим заниматься, – сказали, что мы у них двадцать тысяч зеленых украли. Настучали мужику по голове и на счетчик поставили. Примчался дядька к нам со своими ребятами, всю квартиру

перерыли – искали деньги. Нашли наши отложенные восемьсот баксов, рублей немного и все забрали, хотя наверняка знали, что мы никакие не воровки. Пообещали нам, что если мы сбежим, то у наших родителей будут проблемы, приказали сидеть дома, пока нам подыщут работу в Турции. – Гостыя Лары тяжело вздохнула и продолжила: – Когда мы остались одни, я все равно предложила подружке немедленно бежать, но та сидела парализованная страхом. Я ее тормошила, уговаривала, но девчонка молчала. А потом вдруг разревелась, стала орать, что нам далеко не уйти, нас наверняка караулят. Слушать это было невыносимо, сама-то я боялась еще больше. Короче, покидала я шмотки в сумку, поцеловала подружку и с балкона прыгнула на газон – хорошо, мы на втором этаже жили. Побежала к Ленинградке, там тормознула фуру, сказала, что денег нет и что убегаю от бандитов. В кабине двое нормальных мужиков оказались, довезли меня до Питера и даже тысячу рублей дали, потому что у меня и правда ни копейки не было. Здесь нашла работу в магазине. Платили гроши, но хоть не голодала, и ладно. Родителям позвонила, сообщила, что перебралась сюда, готовлюсь к экзаменам в театральный, якобы тут проще поступить. Попросила никому не сообщать, где я. К ним, разумеется, никто не приходил. А мама вдруг вспомнила, что Влад, сосед по двору, теперь тоже в Петербурге, учится в институте физкультуры, дала мне его телефон. Не сразу, но я ему позвонила. Скучно было одной и тяжело...

Илона посмотрела на опустевший бокал вина, стоящий перед хозяйкой, взяла бутылку и наполнила его до краев.

– Не утомила?

– Я внимательно слушаю. Не представляла даже, сколько тебе пришлось вытерпеть.

– А я еще не закончила. Понятно, что мы начали встречаться. Влад парень симпатичный, сильный, уверенный. Со мной только робкий был. Но все же признался, что с детства меня любит. Стали жить вместе. Он мне работу нашел в фитнес-центре, не инструктором, конечно, на рецепшен. Вот там-то меня бандиты и накрыли. Потом выяснилось, каким образом. Пришел к маме мужчина и сообщил, что моя фотография в базе киностудии, меня отобрали на роль в новом сериале. И она по простоте душевной выложила, где меня найти. А главное, не предупредила, думала, я обрадуюсь такому сюрпризу. Сидела, вероятно, дома и плакала от радости, что мне большое счастье привалило. Ввалилось это счастье в наш фитнес в количестве трех мордоворотов. Подошли, велели, чтобы я закруглялась и выходила, а то будут проблемы. Я попыталась втолковать им, мол, не понимаю, о чем речь. Но они сказали, что за меня подруга по-черному отдувалась в Турции, но только подседа на иглу, и турецкие полицейские ее надолго закрыли, так что долг теперь на мне. Двадцать тысяч сам долг и им столько же за беспокойство. Объявили это и зашагали на улицу. Стены в салоне стеклянные, я их вижу, но все расплывается перед глазами – сижу и реву. Тут дама одна подходит, из постоянных клиентов, спрашивает: «Что случилось, Илоночка?» Я кое-как ответила, что требуют долг, которого не было никогда. Дама вышла, позвала из своего внедорожника водителя, который ее дождался. Вдвоем они о чем-то поговорили с той троицей. Дама вернулась и сообщила, что решила мой вопрос, пообещала деньги за меня отдать. Я еще больше реветь, в ноги тетке хотела упасть. Хотя какая тетка, ей тогда тридцати пяти не было и выглядела шикарно. А дама дальше объясняет: завтра она вручит бандитам требуемую сумму, но с условием, что я буду на нее работать. Нет, не на трассе, не в салоне интим-услуг, а в шикарном банковском офисе секретарем-референтом у ее мужа. «Спасибо вам», – мямлю я. А дама улыбается: «Еще один нюансик имеется. Ты девушка симпатичная, будешь референтом второго человека в банке, и он рано или поздно захочет с тобой переспать. Не отказывай ему». – «Ой, нет!» – вырвалось у меня. «Можешь, конечно, отказаться, – мягко так продолжала дама, – но тогда и в жару, и в любой холод придется стоять на трассе, тебя будут снимать пьяные идиоты, проезжие кавказцы и маньяки. А тут раз в неделю или в две ублажишь воспитанного и культурного человека. Нет так нет, я не

уговариваю. Могу прямо сейчас позвонить тем ребятам и сообщить: сделка отменяется». Что мне оставалось делать? Вот я и согласилась.

– И кто такая эта дама? – тихо спросила Лара.

– Неужели не догадалась? – усмехнулась Илона. – Лидия Павловна, жена Буховича, которая как раз собиралась тогда на Кипр перебираться и хотела, чтобы за мужем присмотр был, чтобы тот не шлялся по притонам, шлюх с улицы домой не приводил. Так она ему и сказала, когда нас знакомила. А я Леониду Исаевичу сразу понравилась. Единственное, чего Лидия Павловна не сообщила, так это то, что у ее мужа не все в порядке с головой. Ему, прежде чем в постель лечь, обязательно нужно было девушку по щекам отхлестать, оскорбляя ее самыми последними словами.

– Поверить трудно! – поразились Лара. – На вид спокойный, улыбчивый мужчина.

– Ну да, – кивнула Илона, – он и сам переживал по этому поводу. Я потом все узнала. Леонид Исаевич без отца рос, а мать его, у которой личная жизнь не складывалась, считала, что из-за сына, вот и лупила постоянно по лицу, заставляла стоять и терпеть, обзывала его по-всякому. С самого раннего детства так делала, до тех пор, пока сын не уехал из дома. Бухович вообще потом женщин боялся, у него долго никого не было. А потом Симагин наш познакомил его с какой-то девушкой, напоили они ее. Симагин удалился, а Бухович стал к ней приставать, ну, гладить, и все такое. Вдруг девушка очнулась и как начала его хлестать по щекам. Кричала: «Сволочь! Подонок! Ничтожество! У меня из-за таких, как ты, никакой личной жизни!» Бухович тогда даже не попытался сопротивляться и, как детстве, стоял, принимал удары, не уворачивался, только зажмурился. А потом обмочился.

– Это он тебе сам рассказал?

– Да. Леонид Исаевич к психоаналитикам ходил, а те только деньги с него брали, толку же никакого. Он и с проститутками пробовал, но не мог. А потом у него появилось желание отомстить всем женщинам, заставить их испытывать то, что испытывал в детстве сам. Мучился от этого желания, попытался даже однажды напасть в парке на какую-то женщину. Та среагировала мгновенно, заорала: «Сволочь, подонок! Ах ты, мелкий негодяй, что удумал!» Леонид Исаевич бежал от нее по темному парку и плакал от страха, от неудовлетворенного желания. А потом жизнь изменилась, появились места, где можно было заказать кого угодно, хоть мазохистку. Там, правда, условие ставили: по лицу не бить, чтобы товарный вид не портить. Поставил синяк – плати неустойку. Бухович стал пользоваться такими услугами и постепенно пришел в себя. А вскоре нашел себе постоянную партнершу – выкупил ее у агентства, а потом женился на ней.

– На ком? – не поняла Лара.

– Да на Лидии Павловне. Супруга его, конечно, не такая женщина, чтобы каждый раз битой быть. У нее жизненный опыт ого-го, что любому врежет – мало не покажется. Но за деньги готова была терпеть. Пятнадцать лет они прожили вместе, а потом Лидия Павловна решила себе замену подыскать. Вот тут я и подвернулась. А Бухович, видимо, на мне завис, потому все рассказал, даже то, что от жены скрывал. Он ведь очень старался заставить себя не бить меня, но тогда у него с сексом ничего не получалось. Потом прощения просил. А меня все это так достало! Просила его отпустить меня. Леонид Исаевич обещал, в очередную встречу говорил: все, последний раз. Только жить без этого не мог. Я терпела, как могла, боялась только, что в банке синяки мои увидит кто-нибудь. Но особых следов вроде не было.

– Тебя все жалели, – вздохнула Лара, – кто-то ведь все равно замечал. Считали, муж жену колотит.

– Это Влада моего жалеть надо было. Он ведь для меня в первую очередь старается. Мечтал добиться чего-то значительного в любительском боксе, а потом перейти в профессионалы, чтобы заработать нам на дом, на квартиру, на красивую жизнь.

– Мне кажется, все у вас будет. Если муж любит тебя, то простит, просто потом не надо ему давать поводов для грустных воспоминаний и упреков.

Илона покачала головой. А потом посмотрела на бутылку водки.

– Хватит, наверное, пить. Все равно меня не берет сегодня. А если напьюсь, просыпаться будет еще хуже. Эх, ничего в мире не изменилось.

– Мир уже изменился после твоего рассказа. А если тебе некуда пойти, оставайся у меня. С мужем и здесь тебе можно встретиться, а я уйду погулять или в кино, чтобы вам не мешать.

– Ну, не знаю... Я хотела Влада на улице поймать, но ведь убежит, это точно, не захочет говорить. Я ему много раз звонила – не отвечает, сбрасывает вызов. Домой приехала – дверь не открыл. У меня ключ есть, а он на задвижку заперся. Мне кажется, Влад уже собрал свои вещи и в институтскую общагу ушел, где раньше жил. Если мужу рассказали про меня, то ему сейчас очень плохо. Однажды он заметил у меня синяк, а я соврала, что неудачно на пилинг сходила, мол, кожа у меня слишком нежная. Он поверил, хотя не знает, что такое пилинг, а переспрашивать не стал. Постеснялся, наверное.

– Муж тебя любит, – повторила Лара и вздохнула. – Хотя я в этом плохо разбираюсь. Не везло мне на любовь.

Ее собеседница усмехнулась:

– Ага, так я тебе и поверила! Бухович уверял, что Ломидзе на тебя запал.

– Леонид Исаевич ошибался.

– Да ты сама скоро убедишься: Петр Иванович тебя на его место поставит.

– Невозможно. Во-первых, есть Макаренко, а еще Чашкин.

– О, – встрепелась Илона, – еще один твой ухажер. Но Артема не назначат, сто процентов. Ни рыба ни мясо, да еще скользкий какой-то. Точно тебя на место Буховича. Если на правлении будут голосовать, то за тебя Ломидзе, Крошин и твоя мама Оборкина.

– Почему вдруг Ада Семеновна моя мама? – удивилась Лара.

– А у нас главного бухгалтера теперь все так называют: уж больно она о тебе печется. Чашкин тоже за тебя проголосует, потому что всегда присоединяется к большинству. Но его мнение уже будет неважно, потому что голосуют по количеству акций: одна акция – один голос.

– Мне не нужна эта должность.

– Надеешься, что Оборкина тебе свое кресло уступит? Пустое, Ада Семеновна прочно в банке корни пустила. Сейчас ты за нее больше половины работы делаешь, так что зачем ей уходить. Да и тебе ее место тоже незачем: у главбуха ответственности больше...

Разговор получился продолжительным, а потому спать легли поздно. Но все равно Лара долго не могла заснуть. Лежала и думала о жизни, не своей, а вообще – о добре и зле, о справедливости и равнодушии.

Утром проснулась и тихонько, стараясь не разбудить гостью, приготовила завтрак. А когда пошла за Илоной, не обнаружила ее. Постель была аккуратно застелена, на столе лежала записка:

«Спасибо тебе за все. Я бы с удовольствием поработала у тебя секретаршей, но не получится. Я увольняюсь, потому что мне страшно. Неизвестно еще, кто будет следующим».

Лара вернулась на кухню и опустилась за стол, вдруг ощутив, что ей не по себе. Снова подумалось о том, что лезло в голову полночи: мимо пролетает жизнь, которой она не знает, и в ней встречаются разные люди – богатые и бедные, влиятельные и униженные, жадные, беспринципные, способные на все, а еще те, кто боится жизни, но делает вид, будто ничего вокруг не замечает. Эта чужая для Лары жизнь хорошо знакома Илоне, Буховичу, Ломидзе, следователю Гушину. Вчера она тоже соприкоснулась с ней, слушая рассказ Илоны. Неожиданные откровения секретарши вроде бы никак не изменили ее собственного существования, и все равно Лара чувствовала себя не в своей тарелке, словно нечто страшное встало у нее за спиной. Настолько страшное, что нет смелости и сил обернуться и увидеть это зло.

Глава 8

На место Буховича назначили Чашкина.

Кандидатур имелось три, как и предсказала Илона: Макаренко, Чашкин и Покровская, которую предложил Ломидзе. Но Макаренко отменили сразу, а при голосовании за Лару были Ломидзе и Крошин, против – Оборкина и Чашкин. У последних голосов-акций было явно недостаточно, но, как оказалось, вдова Буховича буквально накануне заседания передала доставшиеся ей акции в управление Артему. И все равно этого бы не хватило. Однако тут выяснилось, что две недели назад Анатолий Михайлович Крошин переуступил пять процентов акций из своих двадцати трех Чашкину. Намеревался продать больше, предложил купить всем членам правления, но те отказались, а у Чашкина хватило денег только на пять процентов.

Обо всем этом Ларе поведал Ломидзе. Петр Иванович вызвал ее и признался, что сам лично симпатизирует ей, потом рассказал о ходе голосования. Он говорил обычным спокойным голосом, но перед тем, как пожелать ей удачи на старом месте работы, произнес как бы между прочим:

– Не люди, а тараканы.

– Что? – переспросила Лара, думая, что ослышалась.

– Насекомые, говорю, – весело произнес Ломидзе. – Запомните, девушка: клопы не умирают, их давят!

Петр Иванович помолчал, выдвинул зачем-то ящик стола, заглянул в него, снова поднял голову, посмотрел на сидящую перед ним сотрудницу, словно впервые ее увидел и ожидал от нее какого-то вопроса.

– Я могу идти? – Покровская поднялась.

Ломидзе кивнул. Лара направилась к двери, уже собиралась открыть ее и тут все же решилась задать вопрос, которого от нее ждали:

– Так теперь всем будет заправлять Чашкин?

Хозяин кабинета усмехнулся и задвинул ящик стола, так ничего и не достав из него.

– Нет, конечно. Все останется по-прежнему. Артем ничего нового предложить не может, да ему это и не нужно. Меня удивило только, почему Лидка именно ему передала акции Буховича.

Разумеется, странным было не только это. Еще, например, возникало недоумение, с чего вдруг Крошин решил продать свою долю и почему все отказались. Плюс к тому другое: пакет акций в пять процентов, доставшийся Чашкину, сам по себе не такой уж значительный, стоит немалую сумму, но, как выяснилось, Артем располагал необходимыми деньгами. При голосовании эти проценты сработали, чего предвидеть никак нельзя было, если... если заранее не спланировать все, включая смерть одного из учредителей. Но ведь Артем никак не может быть убийцей!

Лара вышла в приемную, потом в коридор, торопясь в свой кабинет, и чуть не столкнулась с Алексеем, который нес пластиковый ящик с инструментами.

– Добрый день, – сказала она ему.

– Как бы не так, – необычно откликнулся рабочий.

– Что-то случилось? – спросила Лара.

– Да ничего особенного: Симагин пришел на работу совсем никакой. Очевидно, сразу принял сто пятьдесят и теперь спит в своем кабинете. Но перед тем, как удалиться в объятия Морфея, направил меня в ваш кабинет перенастроить роутер. А вчера Симагина не было вовсе.

– Позавчера хоронили Буховича, потом были поминки.

– Печально, – согласился Алексей.

Покровская запустила его в свой кабинет, хотела войти следом, но увидела в коридоре спешащую Аду Семеновну. Помахала ей рукой и одновременно подумала, что Алексей выражает свои мысли отнюдь не языком простого работяги: вероятно, у него есть образование или в семье, в которой он рос, любили книги...

– Уф, – выдохнула Оборкина, подходя к своему кабинету, – вчера допоздна заседали, обсуждали кандидатуры на должность нового коммерческого директора. Я твою выдвинула, билась-билась, но у меня всего-то пять процентов акций...

– Я курсе, – улыбнулась приветливо Лара, – назначили Чашкина. – И, опережая следующий вопрос, добавила: – Мне Ломидзе все рассказал.

Ада Семеновна удивленно вскинула брови, отворила дверь:

– Заходи!

Когда оказались внутри кабинета, Оборкина, не зная, что именно сказал ее заместителю председатель правления, продолжила:

– На самом деле я только согласилась с тем, что тебе еще рановато. Это Крошин первым возмутился. «У девушки нет опыта, нет опыта, – говорил, – а участок работы такой ответственный!» Что же, мне против коллектива идти?

– А я рада, что именно так все закончилось, – поспешила успокоить начальницу Лара. – У меня в самом деле опыта маловато. Не хотелось бы занимать должность, которая мне не по плечу. И вообще, мне нравится работать с вами.

– Что тебе еще Петр Иванович рассказал?

– Да ничего, просто вызвал меня, попросив захватить подготовленный квартальный баланс и вскользь уведомил о вчерашнем заседании.

Она совсем не хотела говорить на эту тему, чтобы не показать заинтересованности, которой не было вовсе. Оборкиной, судя по всему, тоже, потому что Ада Семеновна сразу перевела разговор на квартальный отчет. Но и о нем распространялась недолго, а вспомнила вдруг, что у Лары скоро день рождения, и поинтересовалась, как та собирается его отмечать. Ну и, поскольку у заместителя главбуха на сей счет не оказалось никаких планов, предложила заказать столик в каком-нибудь ресторане, пригласив самых близких. Услышав, что после развода у Лары не осталось столь хороших знакомых, Оборкина удивилась:

– Как это никого? А я?

– Хорошо, – согласилась девушка, – посидим вдвоем.

– Нет, так дело не пойдет, – укоризненно произнесла Ада Семеновна. – Вдвоем мы всегда можем пойти куда-нибудь, а для праздника нужен коллектив. Если не возражаешь, я займусь организацией, составлю список гостей. Банк оплатит расходы из представительских. Только тогда следует пригласить кого-нибудь из руководства. Не знаю, согласится ли Ломидзе, но Крошин придет, чтобы послушать, о чем мы говорить будем. Чашкина обязательно пригласим.

– Может, лучше все-таки у меня дома собраться?

Но Оборкина пропустила предложение Лары мимо ушей.

– Ты к Чашкину приглядишься получше. Не такая уж плохая кандидатура в женихи. Заиклен немного на работе, но это хорошо – изменять не будет. Воспитанный, не урод, перспективный опять же. Хотя в нашем банке он выше того места, куда вчера взлетел, не поднимется... Тебе двадцать семь исполнится? Ну вот, в самый раз. Я как раз в двадцать семь второй раз замуж выходила. Или в двадцать восемь? Ладно, сейчас это неважно. То есть мне неважно было, потому что у меня уже Оборкин был. А тебе необходимо именно сейчас определиться. После тридцати, будь ты хоть трижды писаная красавица, сложно. Мужикам вечно подругу помоложе надо. Все вроде их устраивает, прямо льнут, а как узнают, что тебе за тридцать, сразу в кусты. Не в смысле, что тебя туда, а сами куда-то пропадают. Так что ты поскорее определийся с этим... Кофейку не хочешь?

Лара отказалась, потому что не хотела ни кофе, ни разговоров о своем будущем. Ушла к себе. Алексея в кабинете уже не было.

Очень скоро начался обед, в коридоре зазвучали шаги сотрудников, отправляющихся по привычным точкам общепита. Лара решила не ходить домой, а если Ада Семеновна позовет ее в кафе, отказаться. Сидела, корпела над документами, слышала, как возвращались не спешащие на рабочие места сотрудники. Снова все стихло, но ненадолго. Вскоре опять началось какое-то движение, до Покровской донеслись встревоженные голоса. Она услышала, как кто-то зашел в кабинет Ады Семеновны – резко хлопнула дверь, а через минуту к Ларе ворвалась красная Оборкина и объявила:

– Симагин умер.

Главбух замерла, словно подыскивая еще какие-то слова, опустилась в кресло и выдохнула:

– Я как чувствовала...

Отдышавшись, она рассказала то, о чем сама только что успела узнать. Придя утром на работу, Симагин дал указания подчиненным, предупредил, чтобы его часок не беспокоили, и заперся в своем кабинете. Перед самым обедом выяснилось, что в комнате отдыха водителей не работает микроволновка, и мужики отправились к начальнику АХО. Долго стучали к нему в кабинет, а затем, поняв всю тщетность попыток, открыли дверь запасным ключом и обнаружили Симагина лежащим на диване без признаков жизни.

– Допился, – высказала свое заключение Ада Семеновна. И в ее голосе не было ни осуждения, ни сочувствия, словно иного исхода она не ожидала.

– А я его пьяным никогда не видела, – сказала Лара. – Разве только на поминках Буховича.

– Да, на работе Симагин еще держится... то есть держался, – возразила Оборкина, – а прежде, бывало, подшофе в банк являлся. Не вдрабадан, конечно, но с запахом основательным. Его Бухович прикрывал, а так давно уволили бы. Предупреждали несколько раз, вроде взялся за ум, а теперь, видишь, как все обернулось.

– На вид-то он крепким был.

– Да, жилистый мужик был, – согласилась Ада Семеновна. – Мой первый муж такой же: сколько в него ни вливай, все мало. Симагина Леня в банк привел, они учились вместе. Но по работе к нему особых претензий не было, потому и терпели. И ведь как совпало: вместе пришли и ушли друг за другом.

Известие о смерти Симагина не только огорчило Лару, но и немного испугало: она вспомнила записку Илоны и удивилась, как девушка могла угадать то, что может случиться. В то утро, прочитав записку и слова «неизвестно, кто будет следующим», она подумала, что секретарша Буховича слишком эмоциональна. Ну да, ведь ей довелось испытать гораздо больше, чем остальным: в конце концов, Бухович был для нее не только начальником, и у правоохранительных органов возникло много вопросов к Илоне.

В банк опять прибыли следователи. Но сейчас они опрашивали водителей, уборщиц, рабочих... Собираясь выйти из банка, Лара спустилась в вестибюль и увидела Алексея, разговаривающего с охранником. Пройти мимо, как будто ничего не случилось, было бы невежливо. Она положила ключ от кабинета на стойку, расписалась в журнале и повернулась к беседующим мужчинам. Оба тут же замолчали и шагнули к ней, ожидая, судя по всему, вопроса. Охраннику было за сорок, и внешне мужчина походил на вышедшего в отставку полицейского. Не дав Покровской даже рта открыть, он произнес:

– Я всегда говорил, что лучше водку пить, чем импортное пойло.

– Вы это к чему? – не поняла девушка.

– Ведь Симагин виски траванулся, – начал объяснять секьюрити, – а вот если бы принял нашей родной...

Алексей выдвинулся вперед, словно отгораживая Лару от не умеющего шутить человека, и объяснил:

– В кабинете начальника АХО на столе нашли пустую бутылку из-под виски.

Лара промолчала. Поскольку охраннику не терпелось продолжить разговор о качестве напитков, Алексей взял девушку под руку и повел к двери.

– Я вас провожу.

Ей почему-то показалось, что он специально дожидался ее, чтобы проводить до самого дома. В этом не было ничего такого, что могло бы скомпрометировать Покровскую в глазах сотрудников. Но, во-первых, кроме охранника, никого больше в вестибюле не было, а во-вторых, она незамужняя женщина и может позволить провожать себя кому угодно. К тому же парень вполне обаятельный и на рабочего мало походит, тем более когда на нем нет спецовки.

Вышли на улицу, и Алексей сразу остановился. Стало понятно почему: возле своего автомобиля расположился Гуцин, который, дождавшись, когда взгляд девушки упрется в него, распахнул дверь машины и предложил:

– Позвольте вас подвезти?

– До свидания, – попрощался с Ларой Алексей.

– До завтра, – кивнула она в ответ.

Расставаться с ним ей не хотелось. И не потому, что мужчина ей нравится. Просто ведь сейчас работник Следственного комитета опять начнет задавать вопросы, будет глупо улыбаться, а под конец разговора настаивать на приватной встрече.

Лара обернулась на дверь банка. Вроде из-за тонированного стекла за ней никто не наблюдал, и она юркнула в салон. Гуцин тоже сел в машину, на сей раз за руль, так как был один, без Николая, и завел двигатель, но не тронулся с места. Судя по всему, Владимир никуда не спешил.

– Это дело тоже вам поручили? – поинтересовалась Лара.

– Какое? А, вы имеете в виду сегодняшний случай. Нет, не наш вариант. Бытовуха – дело полиции, мы занимаемся лишь криминалом. Этот ваш... как его...

– Симагин, – подсказала Лара.

– Ну да. Симагин просто принял большую дозу суррогатного алкоголя. Содержимое бутылки отправили на экспертизу, но из нее так метанолом несет, что и без экспертизы все ясно. Жена, то есть уже вдова покойного, сообщила, что муж уходил из дома в нормальном состоянии и без бутылки. Видимо, он приобрел виски по дороге на работу. Из дома уехал в восемь тридцать утра, ровно в девять был в банке, если верить записи в журнале прибытий.

– С утра алкоголь не продают, – напомнила Лара.

– Я в курсе, – кивнул Гуцин, – но полиция все равно проверяет все точки по пути следования. Хотя за полчаса доехать до работы от его дома еще постараться надо, а не то что заскочить в магазин. Может, Симагин заранее приобрел бутылку и оставил в машине. Все равно надо проверить, где отравой торгуют и кто поставщик. Недавно в Турции подобный случай был, наших туристов отравили таким же бодяжным виски...

– Видела в новостях, – произнесла Лара, которая не хотела говорить на эту тему.

Гуцин посмотрел на нее внимательно и широко улыбнулся.

– Мы поедем когда-нибудь? – чуть раздраженно спросила Лара и отвернулась.

Смотреть, как приветливо улыбается следователь, было для нее невыносимо.

Автомобиль наконец тронулся с места.

– Кстати, – вспомнил Владимир, – парень, с которым вы вышли из банка, очень наблюдательный, и память у него отличная: он буквально по минутам расписал, когда прибыл Симагин, с кем общался, когда уединился в кабинете...

– Кто-то еще прикладывался к этой бутылке?

Гуцин задумался, а потом произнес:

– Да вроде все живы. Вы как себя чувствуете?

– Глупая шутка, – обиделась Лара.

– Простите... Нет, Симагин пил один. Предложил начальнику кредитного отдела рюмочку, но тот отказался.

– Чашкин тоже заходил к нему?

– Заходил. И, судя по всему, был последним, кто видел Симагина живым. Неужели вы считаете, что этот человек в футляре отравитель?

– Я вообще не думаю, что имело место убийство.

– Вероятно, вы правы. Однако ничего нельзя исключать. Говорят, Сальери Моцарта отравил. Теперь можно говорить что угодно, но тогда ведь не было проведено ни экспертизы, ни вскрытия. Лично я против Сальери ничего не имею. Он, между прочим, и с Бетховеном был знаком, даже музыке его обучал. А Бетховен его пережил, только оглох.

– Какой вы образованный.

– У меня мама музыковед. А отец в городской прокуратуре служит. Поскольку слуха у меня гораздо меньше, чем у Бетховена, мне пришлось идти на юридический. – Владимир опять улыбнулся и объяснил: – Хотя вообще-то я немного играю на фортепьяно.

– В самодеятельности участвуете? – поинтересовалась Лара.

– Ну, так, – помялся Гушин. – Когда у нас вечера или просто тусовки по поводу юбилеев сотрудников, играю иногда. «Караван» Эллингтона, Гершвина могу – у нас начальник сам не свой от джаза. А одна сотрудница, которая поет неплохо, даже выучила «Колыбельную»... Знаете?

И следователь напел вполголоса:

– Саме тайм фиш а джампинг...

– Мы приехали, – напомнила Лара.

Но Гушин внимательно следил за дорогой и остановился на том же месте, где и в прошлый раз.

– Спасибо, – поблагодарила Лара, намереваясь выйти.

В этот момент в кармане Владимира зазвонил мобильный.

– Подождите одну секунду, – попросил он. И, достав трубку, приложил ее к уху: – Слушаю.

Собеседник начал что-то говорить, и лицо Гушина при этом несколько раз меняло выражение.

– Вот, значит, как... – произнес он наконец и выключил мобильный.

Затем коротко глянул на Лару и покачал головой.

– Эксперт звонил, сообщил, что в бутылке значительное содержание метанола, кроме того, обнаружены следы клофелина. А значит, криминал присутствует. Если, конечно, Симагин не принимал лекарство для понижения давления. Но это вряд ли. Когда давление высокое, на работу не ходят. И уж тем более не выпивают пол-литра крепкого алкоголя. Так что... – Владимир снова посмотрел на Лару, взявшуюся за ручку двери, и, вздохнув, закончил начатую фразу: – Вот такие дела.

– А при Симагине найдены какие-нибудь медикаменты? – спросила Покровская. – Или, может, в мусорной корзине валяется упаковка от таблеток...

– Вы правильно мыслите! – обрадовался Гушин. – Нет, при нем никаких таблеток не обнаружили, а мусорная корзина... Я в ней не копался, но, кажется, она была пустой. Судя по всему, уборщица накануне или утром прибиралась. Значит, все-таки мы имеем дело с криминалом.

– Я могу идти?

– Сегодня четверг, – напомнил следователь. – Может, в субботу сходим все-таки в кино? Соглашайтесь! Один раз сходим, и я сразу отстану.

– Разве что так, – усмехнулась Лара. И кивнула: – Один раз можно.

Она поднималась по лестнице, размышляя, правильно ли сделала, что согласилась. И когда подошла к двери своей квартиры, пожалела об этом. В голову ей даже пришла мысль, что, если бы ей предложил посетить кинотеатр Артем Чашкин, отказалась бы сразу под каким-нибудь предлогом, а если бы позвал сотрудник АХО Алексей, согласилась из вежливости – отказ мог бы обидеть рабочего, который точно бы решил, что она не приняла приглашение из-за разницы в их служебном положении. А вот если бы такое предложение поступило от приятеля Гущина Николая... Только не стоит и думать об этом: Николай ее никуда не пригласит и вообще уже, вероятно, забыл, как зовут случайную попутчицу. Ларе вдруг стало немножко горько от того, что она с ним никогда больше не встретится, а если и встретится, то вряд ли симпатичный мужчина пригласит ее куда-нибудь. И потом, Николай наверняка женат. В браке, конечно, счастлив, жена у него красавица и умница. И еще у них, вероятно, есть дети. Значит, никаких надежд, усмехнулась про себя девушка, входя в квартиру, и решила помечтать о чем-нибудь доступном.

Правда, мечтать было не о чем. Не о работе же? Думать о ней надо в рабочем кабинете. Но неожиданно, сами собой, в голову полезли мысли о Буховиче и о Симагине, смерть которого сначала показалась трагической случайностью, а после того, что сообщил Гущин, можно было бы сопоставить обе смерти: нет ли в них некоторой закономерности. Между прочим, Симагин с Буховичем были знакомы давно и прежде приятельствовались. Хотя в последние годы особой дружбы или близости уже не было... Интересно, почему убийца выбрал именно их?

Лара вдруг снова вспомнила о Николае и подошла к зеркалу. Если честно, она тоже не уродина, мужчины обращают на нее внимание. Гущин же не случайно набивается. И Чашкин неумело пытается приударить, хотя это заметно разве что Оборкиной. Еще Ломидзе явно благоволит. Но тот, вероятно, видит в ней лишь исполнительного сотрудника, обладающего необходимыми профессиональными навыками...

Девушка взяла книгу, вытащив не глядя с полки, и пробежала глазами начало. Однако это оказался детектив, а вникать в суть не хотелось. Роман назывался «Ловушка для Золушки». Прежде Лара не читала его, да и непонятно, как томик оказался в ее доме. Может быть, принес бывший муж? Нет, вряд ли, Олег книг не покупал, да и читал лишь журналы, вернее, пролистывал, разглядывая фотографии красивых и богатых.

Ну вот, подумала о Галенко, а тот, словно почувствовав ее мысли, почти сразу позвонил на домашний.

– Ты решила вопрос о моем кредите? – поинтересовался он.

– А я обязана?

– Разумеется. Я ушел из дома, забрал только личные вещи, а ведь мог заявить права на свою долю в квартире. Формально, конечно, квартира принадлежит тебе, но твоя мама переоформила ее на тебя, когда мы уже состояли в браке, а значит, половина моя по праву. Дело в том, что мы с Инной пока снимаем жилье, собираемся купить собственное. Уже подыскивали подходящее, а там такую цену объявили, что мне года два надо вкалывать, чтобы рассчитаться.

– Попроси денег у мамы Инны, у нее наверняка имеются. К тому же у них в другом городе есть квартира, которую они сдают. Твоя жена здесь вроде как училась, а вот ее мать чего сюда примчалась – ты ей мою должность в своей фирме пообещал?

– Короче, – перебил Олег, – по закону я в течение пяти лет после развода могу претендовать на половину совместно нажитого имущества. Но, как благородный человек, я не требую от тебя немедленно съехать с квартиры, только прошу помочь с кредитом...

– У тебя же нет ни залога, ни поручителей. Мое слово ничего не будет значить для банка.

– Ты просто не хочешь помочь. И вообще, ты абсолютно бесчувственный человек. Даже если и улыбаешься, то с таким видом, будто умнее всех и самая честная. А на деле...

Лара положила трубку на базу. Но не прошло и минуты, как телефон зазвонил снова.

– Я не закончил! – продолжил гневно выговаривать бывший муж. – Мне фактически негде жить, а ты блаженствуешь в привилегированных условиях. Тебя не трогают боль и нужда других людей. Впрочем, я не удивляюсь, потому что понял: это национальная черта русских. Болтать о русской душе они любят, а как доходит до дела, то кроме имперских амбиций...

Лара опять положила трубку. Надо же, Галенко вспомнил о своем украинском происхождении. Это было странно, раньше он таких заявлений не делал.

И снова телефон начал надрываться. Звонок метался от стены к стене, словно преследовал Лару. Девушка хотела было отключить аппарат вовсе, но все же решила ответить. Сняла трубку и, чтобы опередить оскорбления, быстро произнесла:

– Чего ты добиваешься? Сказала ведь уже – с кредитом я тебе помочь не могу. А после того, что ты наговорил, могу посоветовать обратиться за помощью в какой-нибудь украинский банк. Хотя... там ты найдешь понимание, а вот деньги вряд ли.

Трубка молчала. Потом долетел осторожный мужской голос:

– Да я, собственно... мне вообще-то не нужен кредит.

– Кто это?

– Володя Гуцин. Я только хотел сказать, что уже заказал билеты.

– Простите, думала, бывший муж звонит.

– Досаждает? – радостно поинтересовался Гуцин. – Ну, так я как раз в состоянии устроить кредит. Причем такой, что навсегда забудет номер вашего телефона и как вас зовут. Только скажите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.